

A painting of a person in a boat on a river. The person is in the foreground, wearing a yellow shirt and dark pants, looking out over the water. The river is blue, and the banks are green. In the background, there is a dark silhouette of a city skyline. The sky is a mix of yellow and green, suggesting a sunset or sunrise.

МАРИЯ СУВОРОВА

ПОТЕРЯННАЯ
~
КНИГА

Мария Суворова

**ПОТЕРЯННАЯ
КНИГА**

prostobook.com
2012

Потерянная книга : стихотворения / Мария Суворова. – К.: ООО «Prostobook», 2012. – 64 с.

Сборник стихов «Потерянная книга» – это официальное, дополненное и исправленное издание вышедшей в 2009 году на правах «самиздата» одноимённой книги Марии Суворовой.

В оформлении обложки использована художественная работа Марии Полковниковой «На карьерах».

© Автор: Мария Суворова, 2012

© Оформление: Мария Суворова, 2012

абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя

абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя

абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя

абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя

* * *

на запах тонкий елово-сосновый
похож и не похож
азбукой старославянской глаголической
запаролил вход и делаешь вид

что не ждёшь
это тебе мол кажется чудится
в каждом пятом – золото и серебро
ты как отличница-школьница учишь

аз буки веди глаголь добро
и кто бы подумал что рвётся
внутри – запахом тонким елово-сосновым
прикосновение его руки

* * *

по-прежнему поздно приходит автобус
увозит людей
а я не иду как все
пропускаю рейс

по-прежнему холод мне щиплет щёки
а помнишь в тот раз
румянец то ли с мороза
то ли смущенье в скромности фраз

по-прежнему хрупок и тонок лёд
реки, берега же – мы
далеки и близки
а помнишь в тот раз

румянец то ли с мороза
то ли смущенье в скромности фраз
и также поздно пришёл автобус
увёз нас

* * *

Я давно осенних листьев
не собирала
в букет.

И осенью ступала, не глядя, по земле.

А по небу высоко-высоко
Скользила недосягаемая
Стая птиц.
Только я так давно не поднимала глаз наверх.

Жизнь без неба сломала сильные
Стебли.
А вернуться не дано, не дано
Назад.

Я ищу осенние листья там,
Где их нет.
Верь – не верь.
Ах, поедem туда, где осень!

* * *

Хочу с Вами поговорить.
Улыбайтесь, улыбайтесь...
Можете сказать:
"В другой раз. Я занят".

Можете сделать "телефонный" вид –
"Алло! Президент?..",
Можете – строгий "исподочков",
И улыбайтесь, улыбайтесь...

Мне так легче.
И обязательно попросите меня
Присесть.
А ещё: "Чашечку чая?"

И прочие формальности,
Я их люблю.
Мне так проще.
И улыбайтесь, улыбайтесь,

Пока я не забуду,
Зачем пришла.
Пока не забуду,
Что хочу с Вами поговорить...

* * *

Между двумя вашими сердцами
моё одиноко,
и не хватает света,
как будто ставнями закрыты окна.

Между двумя полюсами рока –
Любовь и счастье,
Но путь очень извилистый
И далёкий.

Между нами уже сейчас будущее –
Но жизнь порой
Жестока.
Между двумя вашими сердцами моё одиноко.

* * *

Артефакты Вашей любви – стихи,
Коробка фантиков, открытки,
Цветы
В горшочках.

но

Главное, конечно, это Вы
В перевозданном виде –
homo sapiens.
А письма, сувениры, счета телефонные –

артефакты Вашей любви

(хоть платить за телефон мне придётся),
И ничего, что гитара – не Ваш инструмент,
А немецкий – не Ваш язык.
Главное – это Вы, Вы, Вы!

и

Стихи.
А в них – мы, мир и люди.
В них прошлое и будущее.
И самое главное – Вы.

* * *

у меня на столе лежит
толковый словарь
русского языка и
пара апельсинов

это постоянный
набор предметов
моего
рабочего места

чередование сна и
встреч с тобой
надоели бы
любому

а я ещё хочу стать
гениальным профессором
и мне
не до глупостей если честно

как можно сосредоточиться
на исторической фонетике
если твой весёлый взгляд
так глубоко запал в душу

только при помощи
толкового словаря
русского языка и
пары апельсинов

проверьте если не верите
любезные читатели
это на самом деле
помогает

* * *

Скорее бы стать профессором
литературы
и делить свой день
на две смены.

А вечером время от времени
встречаться с тобой
в библиотеке
или где-нибудь ещё.

И рассказывать о том,
что произошло на занятиях,
и слушать твои истории
о профессорской работе.

Скорее бы научиться
взрослой серьёзности,
педагогичности,
педантичности.

И подавать всем пример
своей наилучшей
воспитанностью и
нравственностью.

А в перерывах между
лекциями
составлять план
научной работы.

Скорее бы стать профессором
литературы,
теории, истории культуры и
этнологии.

(А потом выйти за тебя замуж,
если, конечно, ты будешь
к тому времени
ещё не женат.)

Но, в конце концов,
разве мне будет плохо
без тебя?
Я же буду профессором...

* * *

Ночная съёмка фотоаппаратом:
Руками, ногами зацепляют
Друг друга и оправдываются; ртом,
Губами со вкусом крепкого чая
Ловят воздух,
В потёмках представляют, что взрослые,
А так, как будто играют, дети,
Им бы только повеселиться –
Такие вот человеческие особи,
С глазами фосфорными.
Кровать, стул и стол смешались
В дефинициях.
Мама, папа? – в соседней комнате
Со стёртыми лицами.
Хочу сказать: "Да!", а получается
Громкое: "Нет!" и смех до коликов.
Нет? А, может, уже давно сменились
Социальные и гендерные признаки?
Давай тебя буду ласкать как мужчина,
Задуманный собственной логикой.
Где тело, в какой его части душа?
В этих поисках заходят
Шарики за ролики.

В этих поисках еле дышишь,
Даггеротип же показывает холодный
Линолеум.
Ты словно из старого шкафа с шубами,
Проеденными молью,

Негатив же перевирает
До неузнаваемости, до пошлости,
А они улыбаются в кадр,
Обнажённости не боясь, думая, этот бред
Между нами, плёнка не предаст...
А мне бы сердце успокоить гармонией,
Где только взять её, не пойму,
Во широком, во поле ли?
Вот они, люди с протёртыми
До самой жуткой боли жизнями – дети,
Снимающие рожицы свои в подполье
С закрытой снаружи дверью.
Не мне сжигать листы, поваренной солью
На раны высыпанные,
Не мне смотреть альбом
Фотографий, разорванного
Вспышками в темноте
Видеоролика.

* * *

За глаза друг другу
выносим приговоры:
я вас люблю
у вас за спиной.

За глаза ругаем
и жалеем,
любим
одним соприкосновением душ.

Перехваченным взглядом
красим
неправду счастья
и счастья ждём.

За спиной у вас скажу,
целуя духов
в губы:
«Люблю».

* * *

Просишь ночью крылья
Складывать. Они мешают тебе
быть
 обывателем.

А я мечтатель и в грубых
Объятиях. Ты не мешаешь летать
Мысленно
Над пространством кровати.

Было бы только одно понятие
Жизни – на две судьбы – одно понимание
Смерти – на две души – одинаковые
Кресты – на груди –

Любили бы.
А ты просишь ночью крылья
Складывать. Они мешают тебе
Быть обывателем.

* * *

рождаться от одной матери,
чтобы потом любить, и знать –
это о двух концах история,
бессвязная в муках родословия.

где же твои руки холодные,
что мне давали силы, сжимая плечи,
не отпуская и проникая глубже,
чем в нутро сердечной печи.

нельзя рождаться за спасибо
и доброе утро, добрый вечер –
это слова магазинные, выведенные
повседневной желчью, если не от души,

если они не сердечные.
где же твои глаза синие-синие,
что мне давали не то уверенность,
не то силы и проникали в глубины

беспечности, открывая скрытое
в самом жарком палеве
неуловимое и страстное
извечное слёзное любовное увечие.

* * *

это было человеческое измождение
голосом из глубины
она загублена его возвращением
болью изнутри

и самое обыкновенное желание
родиться заново выжечь поле
вместить в сердце и озимое и яровое
я знала неподкупленное оно живое

а для них первый второй или третий
или четвертый всё равно – равно
а мне жить с этим горем
нести его по всем временам года

и видеть разницу вычитая одного
из другого, чужого из родного
математика из историка
из старого молодого

это было человеческое измождение
голосом из глубины
она загублена его возвращением
болью изнутри

* * *

Душу распахивать в пустоту
незрячих глаз, кидать
себя в счастье
невысокой берёзки в поле.

Сладость немного прикрытых
возлюбленного томных фраз –
радость
жаждущего в солёном море.

Бей её, бей за обидную тяжесть
ран, горемыку из Гоморры,
душу-горе,
от ссоры устремлённую в сторону.

Будет ли мне всё равно или нет,
распахивать душу,
любить себя в счастье
невысокой берёзки в поле.

* * *

Обобщение мира –
В пару слов вложить
Суть,
Обнажить мысль.

Нет необходимости рушить
Здание воспоминаний –
Схематически проста нервная
Душа.

Обобщить самого себя
До крайности
восприятия
«Я».

Нет необходимости слушать
Умного древнегреческого
мужа,
Если не сумел взрастить собственные уши.

* * *

Ждали
с детства
чуда
В свете северного сияния.

Во время солнечного затмения
Ждали
с детства
Рая.

Зимой
во время снегопада
мечтали,
Желания небу по секрету шептали.

Летом
друг другу
моря и океаны обещали,
Звёзды и луну во сне в руках держали.

Зачеркнуть бы неправильные дни!
Стереть
из книги
жизни!

Ждали
с детства
чуда.
Не знали, что детство – чудо.

* * *

Памяти швы – несжигаемые боли дневники.
Памяти швы – отбери у меня прошлое, а они
Остаются и не рвутся.
Памяти швы – потерянные мечты.

и

Если сегодня нет беды, то завтра неосторожные
Слова
Поранят
Памяти швы

и

Снова вернутся дни,
Полные
Не жизни, а мольбы,
Голосов, зовущих в темноту, чтобы укрыть

но

Не помочь тому, кто хоть однажды
Вместо любви встретил зло.
Не спасти того, кто хоть однажды
Видел зло.

* * *

Тарелка горячего супа –
И революция откладывается,
извините,
обеденный перерыв.

Бросят на чистый поднос
Объедки –
Это вам, дорогие гении,
Жрите.

Соседка соседке поможет выжить.
Она знает, что завтра на её плечи
Упадут
Церковные свечи.

Душно, душно!
Жить, подставляя себя под чей-то
Ужин.
Утешений не нужно –

Понимаю, что лучше
Хуже.
Лучше вовсе забыть, что человеку следует
Жить.

С трудом, переставляя ноги,
Иду домой, не скрою,
С горечью на душе,
Знаю – в кармане затушены две свечи.

* * *

Дьявол во плоти это не Что, а Как.
Это боль, прожигающая и скрытая
От глаз
Чужих и собственных.

Я как чуму боюсь передать
Страх,
А идущий на встречу не знает,
Чья власть

Победит, и сумеет ли
Он потом
Победить
И не пропасть.

Боль это не Что, а Как.
Она скрыта
В сердце, в которое
Нельзя попасть.

* * *

Символика сна – необоснованный вызов
Собственным глазам.
Будущее, растворённое в перекрашенных
Небесах.

Я больше, чем по ночам не плакала
Никогда.
И ни разу не досмотрела кошмар
До конца.

От меня не оставалось и следа, когда
Крик за дверью говорил –
Боль не твоя,
А сердце сжималось и перерождалось

В символику сна – необоснованный вызов
Собственным глазам, когда
Крик за дверью не мой,
А боль – моя.

* * *

А он где-то мёрзнет под забором или
Плачет.
И он кем-то брошен за зло ненароком
Причинённое.

И мне не понять – люблю или в лицо
Плюю.
И мне не понять – спасу или в спину
Выстрелю.

А он где-то мёрзнет под забором или
В люксе.
И он кем-то брошен за зло по привычке
Совершённое.

И мне не понять, не любить его больше.
И мне не понять, не спасти его больше.
Но не плюну
в лицо.

А он где-то врёт, что мёрзнет или плачет
Под забором.
И он просто врёт, что кем-то брошен
Незаконно.

* * *

Во дворе старый пёс мёрз.
Без сил, одурманенный холодом.
Ниспроверг коронованный бес
Нас всех. Мы за колючей проволокой.

Мы за спором осмеянных
Жалели,
Возвеличивали.
Мудрых – оплакивали.

Во дворе старый пёс мёрз.
Я выйду на улицу:
«Пёс!
Давай поменяемся судьбами».

* * *

Пляшет на полочке
У изголовья кровати
Слепой кот.
Мёрзнет под забором, вроде, человек.

Из разворота страниц
Тянут разнодлинные пальцы
Чёрные кляксы.
Под ними, может быть, текст.

Может быть, ты, человек,
Написал его? –
Может
 быть.

Перепад напряжения
Выключил свет.
Никто
Не заметил.

Пляшет на полочке
У изголовья кровати
Слепой кот.
Мёрзнет под забором, вроде, человек.

* * *

Ожиданием жить или борьбой наполнять
существование –
Пути разные, но мне так близкие,
и не будет двери с табличкой
«Выход запасный».

И лететь можно как гордый ястреб,
Но
Случайно не врезаться бы от счастья
В столб.

Не замёрзнуть, когда холод
Накроет снегом с головой.
Мой долг – быть теплом, а не зноем,
Быть добром, даже если всё равно или ненавижу.

А иначе не будет таблички «Стои!»
И полечу как гордый ястреб вновь.
И не замечу от счастья ненастоящего
Столб.

* * *

Мама, это так больно –
Приходить домой и понимать, что только войны
Гражданские
Сравнимы с нашей любовью.

Мама, это так больно –
Быть счастливой с другими,
Пусть не с плохими,
Но не с тобою.

Мама, это так больно –
Сердце, движимое любовью
Прогонять из себя прочь,
Делать его подневольным.

Мама, это так больно –
Приходить домой и понимать, что только войны
Гражданские
Сравнимы с нашей любовью.

* * *

Боль внутри. Существование на грани –
Там, где и я, и вы обречены.
Там, где жизнь слишком близка к концу,
И каждый из нас подобен античному мудрецу.

Боль внутри. Пройдёт или замрёт?
Нет, молнией не убьёт. Ничего не случится,
Не произойдёт. Но исчезнет что-то,
А что-то придёт. Душа однажды снова вернётся,

Боль внутри нить судьбы повернёт.
И не вернёт потерянное,
А мы, плакать обречённые, друг друга найдём
В любом городе, в любой стране.

Везде мы встретим глаза, полные слёз,
Скрытых порой под маской непринуждённых
поз.

Боль внутри. Существование на грани
Ко всему человечеству любви.

Поиск такой же обречённой души,
Счастье в поддержке её руки.
Боль внутри, однажды заполнив сердце,
Уже не уйдёт. Может, лишь замрёт.

* * *

Я сердцем на волоске от старости.
Держусь рукой за небо, а глаза к крестам
Прикованы – словно нет больше на земле
Радости.

Я сердцем на волоске от старости.
Улетаю вечерами в заоблачные дали,
Спасаясь от страха, теряя силы, и снова черпая их
В печали и слабости.

И сердце всё ждет опасности.
Возвращаюсь домой – сжимаюсь и жду
Удара в лоб
Без причины и по причине.

Это ужасно. Это жизнь без театральных масок.
Это шанс узнать больше, чем может дать
Спокойствие,
Тихое, уютное человеческое удовольствие.

* * *

Душевспоможение ушло в прошлое,
глаз же опущенных,
горечью наполненных –
не меньше.

Неистовство чёрствости,
взаимопомощи
в пачках долларов,
слёз же – не меньше.

А дети всё громче
ревут, визгливыми голосами
пронзая и без того
изболевшуюся душу.

Вы, дети, увы,
опоздали, милые,
ведь ещё до моего рождения
душам помогать перестали.

* * *

Болью дома связан человек и нет иного горя.
Боль дома не отпускает мысли на волю.
Душа птицей в окно бьётся, но ни слова
Сказать не может, сделать не может – в ней боль
дома.

И сколько бы в памяти не светило солнце –
Не будет утро красивым рассветом,
Но будет словно чёрным трауром покрыто –
Болью дома.

Болью дома связан человек и нет иного горя,
Кроме как жить
Этой болью,
Быть этой болью, нести на себе тень дома.

* * *

записи на полях простым плохо отточенным
карандашом задевающим деревянным концом
тонкие линии тетради с загнутым листом
выстроились в ряд всем своим существом
отрешённым и как бы не от мира сего

это вступление и я однажды поняла что
это ощущение запущенных часов старения
и если не выдохну душу на полосатое дно
окажусь единственной тленной материей
сжатой собой в ответе на сердцебиение
веков от меня стоящих далеко и ненадежно
легко поддающихся осмыслению выверению
вымарыванию грехов как ошибок записанных
слов на полях простым плохо отточенным
карандашом в тетради с загнутым листом

а потом повернувшись лицом
к самым страшным письменам
древних веков неоправданно
забытых и местами истёртых
в повседневном пользовании
без пользы безликой толпой
на ладонь полон алфавитный
размещу для тех кто знаком
со знаком изначальных имён

это вступление в безразмерную стиховую
вселенную на костях великомучеников

по особому неведомому народному преданию
небом выношенное полуночью вскормленное
и рождённое в единстве рассвета с заревом
солнечными бликами и чернильными каплями
следом за алой буквицей завитками и
контурами своими никому не понятными
я бы рада была объяснению механизма
словоплетения и слова творения но

записи на полях простым плохо отточенным
карандашом преемственно тяжелы дыханием
и на ощупь пробираясь сквозь эти камни
понимаешь как труден самый в жизни главный
смысл что иглой в яйце случайно сдавлен

* * *

земля по которой ступаем знает мы прах
без вести пропавший и сегодня известен
а завтра или на днях перестанут искать
как котят бросят забудут себя простят

вскормлена летом матерью-одиночкой я
жестяная банка сердце угольная душа
нерождённое счастье но живое и жива
я где-то за цветастой витриной себя

уедем давай временно в безвременье
там молочные реки кисельные берега
это будет ближайший город знакомый
от а до я но не будет скрежета боли

лишь звук манны небесной каплей дождя
земля по которой ступаем зовёт в себя
и завтра или на днях перестанут искать
как котят бросят забудут себя простят

* * *

выходит за дверь и крестом защищает дом
уйдёт за тысячу вёрст но одним прыжком
хочет обратно вернуться к себе в гнездо
чтоб не терять его не теряться в мире чужом
а я

жду

и тайная надежда шепчет придёт придёт
он от матери-кукушки его и так за порог
жив не жив будет не первый и не второй
а он закрылся словом каменным как стеной
и я

молчу

в нём уверенность завтра но он не свой
для своих я зашла в тупик-перекрёсток
словно острый лёд колет в сердце теперь
и идти по пути что открыт ясен чист
некуда

мне

манят дороги прямые но знаю это обман
он выходит за дверь и крестом защищает дом
подожду чтоб укрыться под сильным крылом
не терять его не теряться в мире чужом

* * *

украдено сжатое в руках спокойствие
служившее верно судившее непредвзято
к груди всё время крепко прижатое
но вот заброшено на сторону обратную
где ни света ни тьмы ни неба ни земли
пусто

живи теперь как хочешь если и не хочешь
пытаться вынырнуть через воспоминания
открытые незащищённые и грехи непрощённые
назад всё равно не вернёшься конечно
потому что конечно даже самое сильное
больно

я следила взглядом за пылинками на солнце
в лучах прозрачных летавшими туда-обратно
думала ты сейчас наверно просто спишь
так не бывает чтоб раз и сломалась мысль
чтоб раз и порванной оказалась нить
жизнь

ты голоден и ищешь что бы съесть забывая
не единым хлебом жив человек это мечь
за двойное дно слов произносимых обещанием
а мне жалко странно жалко колко жалко
помочь не помочь из одного конца в другой
бросает

а ты как ни в чём не бывало не замечаешь
что случилось кого теряешь куда идёшь
сталкиваешь да и нет и оправдания в ответ
а надо бы нам вернуть обратно спокойствие

что к груди было всё время крепко прижато
руками
обрели бы тогда взгляд неподвзятый
отличающий чёрное от белого зло от добра
помогающий видеть соринку и в своём глазу
но вот заброшено на сторону обратную
где ни света ни тьмы ни неба ни земли
пусто
 больно
 жизнь
 бросает
 руками
 на дно

* * *

только тонко очень непрочно звучание
скрипичное ранящее дрожащее, оно моё
настоящее из молчания и переживания
в единении с потоком воспоминаний

свитых связанных самым сильным словом
самым режущим колющим снова и снова
но непроносимым ещё произнесённым
как будто обречённым хоть обновлённым

и слишком хрупкое прозрачно стеклянное
незапечатлённое незамеченное со стороны
взглядом случайным оно моё звучание
только тонко очень непрочно переживание

* * *

растянувшееся на много дней ожидание
оглушительное звучностью сердца ударов
так меня верностью окружившее беспощадно
что невольно молчание победно и славно
и грусть утонченно сплетённая из знания
понимания участи судьбы рока и доли
отвлечённые мои мысли без воспоминаний
после прочтения завета нового и старого
залпом – это тоска безвозмездно данная
превращённая чувствами в стих тягучий
это я от письма многотрудного истощённая
переведённая на миллион языков научных

двум потерянным лебедям реки не реки
им бы рядом друг друга да синие волны
как они мы с тобой одинаковые и бездонные
позабытые вьюгами водами ветрами злобными
позабытые счастьями и несчастьями разом
всеми близкими нам и далёкими прошлыми
от того что полёт забытьё любовное
взмахи крыльями равные мерные ровные
вот оно двусердечное белое небо лебяжье
подарившее столько причудливых ласок
это самое нежное самое страшное
лепесток на воде замирающий и прекрасный

* * *

тлеющим внутри него угольком
выношена крохотным зёрнышком
и кругом то ли поле то ли костёр
и я то ли земная то ли солнечная

в нём позабытый давно народ
в каждом жесте его и чёрточке
будто встреченный в кадре кино
тонкой кистью образ прочерченный

на пути от меня до него никого
долгожданная ясность дорожная
без извилин опасных глубоких рвов
непонятная мне и не сложная

* * *

пережито непрожитое внутреннее движение
словом обмолвилась лишним пустым ненужным
и теперь не понятно в нём жар или стужа
пережито непрожитое до начала и завершения

слышу несказанное невыраженное устремление
в слове обычном ничем не приглядном простом
и в обращении по имени и в именном значении
слышу несказанное невыраженное прощение

то ли на память руки пожатье то ли к прощанью
вижу что скрыто внутри но не вижу его одного
прошлое прожито но не прожито мной
пережитое
то ли к началу руки пожатье то ли к концу

* * *

румянцем на щеках рождается благоговейное
первое и позже становящееся вечным время
и догадки о непроизнесённых словах сердечных
хрупких

колыбельных

встречных

моей бессловесности долгой непроходящей
тающей словно дрожащей но и невидимой
кажется что совсем несерьёзной невзрослой
осторожной

не по годам

тревожной

я пытаюсь один понять закон что жизнь объемлет
и не знаю из знаков он или из слов мне всё равно
я слышу часто как бьётся внутри новое живое
то ли он

то ли она

но не оно

и уже не я и силы отданы за лёгкое
прикосновение

карандашом к листам ещё не воспрявшим ото сна
румянцем на щеках рождается благоговейное
хрупкое

слово

колыбельное

* * *

задолго до встречи к встрече подготовлена
временем приучена к ожиданию длительному
внутри себя вырастила огромное и целительное
живое сильное замершее знаком вопросительным

обычные будни расцвечены яркими красками
лишь от невидимого пыльного между запястьями
рядом идущих не взявших друг друга за руки
ещё не столь смелых в движениях ласковых

ещё не объятых объятьями мрака вечернего
не слитых в единый глубокий и долгий вдох
обычные будни расцвечены яркими красками
лишь от присутствия рядом от близости двух

чуткая к лёгкому тихому и осторожному
хмурилась встречному ветру улыбку храня
но по началу без меры тревожная тёмная
полюс широким невольно раскрылась она

долго ли коротко это ненужное знание
мало ли много ли каждой минуте своё
лодка печальна когда одиноко качается
и на неё обречённо глядят с берегов

двери распахнуты в доме и окна не сомкнуты
лишних скорей за порог им не место здесь
тикают ровно и робко часы на запястьях
рядом идущих вдвоем но несмело врозь

Больший по нежности

по замысленному но не прожитому
по проложенному до меня но мной
не открытому пути вижу что не пройти
без большей по нежности руки

бесприютным странником по знакомым
дальним и близким в поисках двери
к самому подходящему к соприродному
только мне вопреки словам со стороны

а его ведут мысли о чужих лицах
улыбках иноземных сказочных царицах
где же они долгожданные синие птицы
детские страхи полуночных прятков
от рук что могли лишь присниться
в возрасте юном беспечно чистом

он кропотливо слагал из всех лет
прошедших так быстро образ себя
в дневнике где помяты страницы
кто же знал что со мной рядом
жестом привычным убирал со лба
лишние пряди и одним взглядом
говорил о душе где себя прятал

за движение навстречу шаг обратный
чтобы обдумать ему чтобы порваться
мне пытаясь дотянуться до него во сне
а потом изрыдать глаза до света
до смелости прикоснуться ожидая ответа

а раненый мир измерен исключениями
я в этом мире имя поперёк течения
только бы не замечать в откликах
боль как единственное значение

только бы счастья зёрнышко маленькое
а там глядишь и древо ветвистое
начало семейное с корнями и листьями
ждёшь и ждёшь без оглядки на прошлое
резанувшее острым серебрянным
ныне же сорной травой заросшее

поле это зелёное летнее
кажется ласковым мягким
а ступи на него босиком
поранишь пятку захочешь
обратно туда где гладко

к воспоминаниям о первых свиданиях
к самым настоящим и самым ярким
увы, чужим, не своим придуманным
и звучащим отговоркой невнятной

личное оно глубоко внутреннее
переживание, стихия неуправляемая
безымянная и изначально святая

а что свято не подлежит огласке
сторонясь липких слов вязких
всё сильнее сжимаем колосья
в одной связке бережём что дано
и медленно сложный узор плетём

так слагается быль и небыль
по замысленному но не прожитому
по проложенному до меня но мной
не открытому и я вижу что не пройти
без большей по нежности руки

Двенадцатый вал

*рассказ о двенадцатом вале из уст
экскурсовода перед картиной моря
или океана айвазовского или пейзажиста
местного глухого провинциального
просто пишущего горы и воды
по внутреннему зову невышедшего
из него капитана дальнего плавания*

1.

у меня вода вызывает ощущение лета
колодезная вода ключевая холодная
утром нежно снимающая заспанность
прижимающаяся также ласково и неясно
как воздушная одежда на тонких лентах
и всегда бывает одна ответная реакция
желание быть с тобой крепко связанной
а ты был всего лишь двенадцатым
после первого по счёту арабскому
а я как подросток бесбашенный
тайно стремилась к прекрасному
и снилось всё время непрозрачное
пространство закрученное к центру
и тёмно-синим цветом раскрашенное
просыпаясь думала вот оно чувство
ребёнком большеголовым внутриутробно
зашевелившееся но от тела ещё

не отделённое не излитое исповедью
не обожжённое снаружи прикосновеньем
твоего мужского холодного оружия

рано рана раскрылась
сердце слишком юное
не готовое ко всемирному
потопу к такому водному
ведь едва заколыхалось
весенним голосом
воробьиным щебетом
только-только расцвело
и запало в душу
не одному не двум
а каждому близкому
каждому дальнему

и вела его за собой вытягивая мысли
незаметно уходя в сторону в левую
не алтарную не защищённую не верную
и в этом была тайна таяния душевного
одиначества непорочного за дверью
заколоченной и всё же столь хрупкого
счастья что не счесть всех напастей
а пророчество сила благословенная
материнская любовь в родинке на щеке
обломки деревянных кораблей на песке
и штиль словно конец всему пути

временами случалось прозрение
минутное секундное мгновенное
как отпадало от Всевышнего
на ладони её белые-белые
были то попытки выпрямиться
под тяжестью волн в шторм
а он пугался её искренности
потому что не был готов
и паническое сопротивление
то ли ласкам то ли нападению
говорило ему о презрении
а имелось в виду сомнение
страх перед притяжением

2.

судно вражеское с рабами из наших
поди спаси всех чтобы потом не жалеть
чтобы сейчас не ошибиться и впредь
помнить о вере в нить вытянутой
неизмеренной и только на прочность
проверенной страхом да беспомощностью
перед общностью людской сущностной
рассказ о двенадцатом вале не пуст
даже от немого и слепого не видевшего
ничего земного это эхо пещерного эго
первородной основы не человеческой
но вочеловеченной в каждом и каждым
слышимой как внутренний зов старого

капитана вернувшегося из-за океана
и вода текла реками ручьями ледяными
в разных направлениях ради движения
животворящего ради существования

3.

у меня есть шрам на руке на предплечье
с детства в вечность стеклом внесённый
у меня есть память о каждой встрече
каждой большой и маленькой задаче
больно было очень теперь иначе
в руках счастье но глаза плачут
они по-другому не могут видеть
кроме как в цвете общей неудачи
а искусство из куска мела выросло
ты им в школе на доске писал
с ошибками несмело и отрывисто
глупый совсем не понимал где оно
живое слово не магазинная вывеска

и играл бездумно, неосознанно обижая
задевая руками головой не соображая
все так или иначе сводилось к согласию
но задумчивость спутник его ненастья
как неуважительное в ответ "здрасьте"
это путаница с невозможной отчётностью
письменной устной краткой длинной
на столе блокнот для записей толстый
а слов в нём едва наберётся на ФИО

примите меня теперь другой – иной
с избитой волнами штормовыми душой

измождённой но живой так бывает временами
и голоса в голове звучат аккордом не в строй
не в лад жизнь повернулась другой стороной
теперь на неё смотрят зная что была изгой
в этом смысла ноль в этом правды ноль

он её за руку всего лишь провожал домой

О поэме «12 вал»

Это произведение невозможно экранизировать, потому что у него нет внешней кинетики, действия. Вот полное, но, как видим, такое малое, собрание глаголов: "вызывает, стремилась, снилось, раскрылась, заколыхалось, расцвело, запало, вела, случалось, отпадало, выпрямиться, пугался, спаси, не жалеть, не ошибиться, помнить, текла, писал, не понимал, играл, сводилось, примите, повернулась, смотрят, провожал".

Глаголы, которых в стихотворении на сто с лишним строк, всего около 20, в гомеопатической дозе в неравномерной концентрации разбросаны по тексту, и не создают динамики, нет сюжета, искусственному читателю не пересказать содержание стихотворения. А это заставляет читателя думать в одном из двух направлений - либо глаголам придано особое значение, раз их мало, значит они особо важны, или от них можно вообще избавиться.

Интересны оба подхода, но я склонен ко второму. Мой выбор подкрепляется тем, что в первом катрене, в зачине из семи строк вообще нет ни одного глагола. А значит стихотворение в целом вообще могло бы обойтись без них.

Это означает, что содержание не несет процесса, нет развития, нет интриги, нет действия. А что есть?

Есть стационарное состояние, для описания которого не нужно движение. Все застыло с точки зрения динамики. Однако, это не означает, что нет напряжения. Взяли шар, надули и он лежит,

но надут он настолько, что может лопнуть в любое время. Тем более, что в названии "Двенадцатый вал" и описано максимальное состояние, как бы "дальше фишка не идет", это край, предел.

Как у Марины Цветаевой в сказке "Молодец":

"Высокий как вздох

Двенадцатый вал.

Да с двенадцатым, с последним — в самый бой

Как встряхнется-встрепенется зелень-зной.

Да с двенадцатым, с последним — в самый вал

Как сорвется-оторвется пламень ал".

Цветаева подтверждает догадку о вершине, на гребне волны, за мгновение до обрушения вниз, это состояние настолько захватывающе, что эту свою рецензию я вывешу в интернет ровно в полночь, в 12 ночи, с боем часов!

Я не ставлю себе задачу достичь предельной логичности своего разбора, потому что ее нет, да и не должно быть в самом стихотворении.

Ключевая, на мой взгляд, строка, перед которой говорится о "вытягивании мысли в сторону ...не алтарную не защищенную не верную". В какую сторону? Придав смысл алтарю как месту, которое вызывает благоговение, в синонимическом смысле определение стороны будет, как "презренная, беззащитная (перед Богом?), ошибочная". Мысль тянет в сторону греха. Но "тайна таяния душевного одиночества непорочного" заключена в "хрупком счастье, силе благословен-

ной, материнской любви", как противопоставлении "обломков деревянных кораблей на песке", построенных посредством мысли, и приводящих к штилю, концу пути. То есть мысль без души не работает.

Ангитеза - двенадцатый вал воодушевления и штиль мысли. У стихотворения могло быть и другое название - "Штиль" как поражение разума, в отличие от "Двенадцатого вала" - трудной, порой жестокой ("у меня есть шрам на руке") победы духа.

В конце стихотворения лирическая героиня показывает себя - вот она я - "теперь другая - иная с избитой волнами штормовыми душой". Стихотворение о сильных переживаниях, выпавших на долю лирической героини, о закалке сердца. И теперь, оглядываясь назад, на эти испытания, на этот пережитый двенадцатый вал, она говорит, нет, ничего особенного, "он ее за руку всего лишь провожал домой".

Тут бы самое время поставить точку, но только теперь я вдруг увидел поразившую меня связь "Двенадцатого вала" с написанным лет 12 назад "Ланолиновым блюзом" Наты Сучковой. А это означает, что я сейчас должен сесть, взять в руки "Двенадцатый вал" и начать читать, находить связи и аллюзии и... начинать работу сначала. Это интересная работа, очень познавательная, а потому, оставим ее на будущее.

И сейчас же я хотел дать ссылку на свою довольно большую статью по анализу "Ланолинового блюза" и обнаружил, что нет ее в Интернете! Она есть на сайте Димы Гасина, где он справедливо пишет, что этого нет в сети, но представленная на его

сайте версия очень ущербная и без графиков, которые в статье играют главную роль. Придется мне обязательно разместить на своем сайте эту свою статью, и тогда уже вернуться к "Двенадцатому валу"! Ссылку я дам позже.

Сергей Фаустов, критик

Содержание

«На запах тонкий, елово-сосновый...»	4
«По-прежнему поздно приходит автобус...»	5
«Я давно осенних листьев не собирала в букет...»	6
«Хочу с Вами поговорить...»	7
«Между двумя вашими сердцами...»	8
«Артефакты Вашей любви – стихи...»	9
«У меня на столе лежит...»	10
«Скорее бы стать профессором...»	12
«Ночная съёмка фотоаппаратом...»	14
«За глаза друг другу...»	16
«Просишь ночью крылья...»	17
«Рождаться от одной матери...»	18
«Это было человеческое измождение...»	19
«Душу распахивать в пустоту...»	20
«Обобщение мира...»	21
«Ждали с детства чуда...»	22
«Памяти швы – несжигаемые боли дневники...» ..	23
«Тарелка горячего супа...»	24
«Дьявол во плоти это не Что, а Как...»	25
«Символика сна – необоснованный вызов...»	26
«А он где-то мёрзнет под забором...»	27
«Во дворе старый пёс мёрз...»	28
«Пляшет на полочке...»	29
«Ожиданием жить или борьбой наполнять...»	30
«Мама, это так больно...»	31
«Боль внутри. Существование на грани...»	32
«Я сердцем на волоске от старости...»	33
«Душевспоможение ушло в прошлое...»	34

«Болью дома связан человек и нет иного горя...»	35
«Записи на полях простым плохо отточенным...»	36
«Земля по которой ступаем знает мы прах...» 38
«Выходит за дверь и крестом защищает дом...» 39
«Украдено сжатое в руках спокойствие...» 40
«Только тонко очень непрочно звучание...» 42
«Растянувшееся на много дней ожидание...» 43
«Тлеющим внутри него угольком...» 44
«Пережито непрожитое внутреннее движение...»	45
«Румянцем на щеках рождается благоговейное...»	46
«Задолго до встречи к встрече подготовлена...»	... 47
Большой по нежности 48
Двенадцатый вал 51
О поэме «12 вал» 56
Содержание 60

Идеальный стих

абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя

абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя

абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя

абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя
абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя

Ideal poem

abcdefghijklmnopqrstvwxyz
abcdefghijklmnopqrstvwxyz
abcdefghijklmnopqrstvwxyz
abcdefghijklmnopqrstvwxyz

abcdefghijklmnopqrstvwxyz
abcdefghijklmnopqrstvwxyz
abcdefghijklmnopqrstvwxyz
abcdefghijklmnopqrstvwxyz

abcdefghijklmnopqrstvwxyz
abcdefghijklmnopqrstvwxyz
abcdefghijklmnopqrstvwxyz
abcdefghijklmnopqrstvwxyz

abcdefghijklmnopqrstvwxyz
abcdefghijklmnopqrstvwxyz
abcdefghijklmnopqrstvwxyz
abcdefghijklmnopqrstvwxyz

Мария Суворова

Потерянная книга

Отпечатано в ООО «Издательство «Простобук»
www.prostobook.com

Заказ: _____

Тираж: 1 экз. (изготовлено по требованию)

© Автор: Мария Суворова, 2012

© Оформление: Мария Суворова, 2012